

Н. М. МУРАВЬЕВ

Мысли об «Истории государства Российского»

Н. М. Карамзина

История принадлежит народам. В ней находят они верное изображение своих добродетелей и пороков, начала могущества, причины благоденствия или бедствий. Долго были мы лишены бытописателей, имея только Щербатова и Татищева¹. Наконец, Н. М. Карамзин, ревнуя к отечественной славе, посвятил 12 лет постоянным, утомительным изысканиям и привел сказания простодушных летописцев наших в ясную и стройную систему. Неоцененное благодеяние! С скромностью истинного дарования говорит нам историк, что в труде сем ободряла его надежда сделать российскую историю известнее. Исполнилось желание его — мы гораздо знакомее стали с делами предков наших. До сих пор, однако ж, никто не принял на себя лестной обязанности изъявить историку общую благодарность. Никто не обозревал со вниманием великости труда его, красоты, соразмерности и правильности частей, никто не воздал писателю хвалы, достойной его, ибо хвала без доказательств есть хвала черни.

Неужели творение сие не возродило многих различных суждений, вопросов, сомнений! Горе стране, где все согласны. Можно ли ожидать там успехов просвещения? Там спят силы умственные, там не дорожат истиною, которая, подобно славе, приобретается усилиями и постоянными трудами. Честь писателю, но свобода суждениям читателей. Сомнения, изложенные с приличием, могут ли быть оскорбительными?

Основательное обозрение истории затруднительно для одного человека; философ, законоискусник, пастырь церкви, военный должны каждый в особенности участвовать в подвиге сем. Один должен вникать в дух, в котором она написана, — не приданы ли векам отдаленным мысли нашего века, не приписаны ли

праотцам понятия, приобретенные уже внуками. Другой должен сверять ее с источниками. Третий — разбирать суждения сочинителя о торговле, о внутреннем устройстве и так далее.

Пусть каждый изберет часть свою, но здесь читатель должен ожидать только изложения мыслей, возбужденных чтением сего творения, и беспорядочной смеси замечаний. Каждый имеет право судить об истории своего отечества.

Остановимся сперва на предисловии; в нем увидим, каким образом наш писатель обнял предмет свой и какими правилами он руководствовался. Вот его определение пользы истории: «Правители, законодатели действуют по указаниям истории... Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как *искони мятежные страсти* волновали гражданское общество и какими способами *благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление*, чтоб учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать *им возможное на земле счастье*».

История представляет нам иногда, как *благотворная власть ума обуздывала бурное стремление мятежных* страстей. Но согласимся, что сии примеры редки. Обыкновенно страстям противятся другие же страсти — борьба начинается, способности душевные и умственные с обеих сторон приобретают наибольшую силу; наконец, противники утомляются, злоба обоюдная истощается, познают общую выгоду, и примирение заключается благоразумною опытностью. Вообще весьма трудно малому числу людей быть выше страстей народов, к коим принадлежат они сами, быть благоразумнее века и удерживать стремление целых обществ. Слабы соображения наши противу естественного хода вещей. И тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, и тогда мы повинемся прошедшему — дополняем то, что сделано, делаем то, чего требует от нас общее мнение, последствие необходимое прежних действий, идем, куда влекут нас происшествия, куда порывались уже предки наши.

Вообще, от самых первых времен — одни и те же явления. От времени до времени рождаются новые понятия, новые мысли. Они долго таятся, созревают, потом быстро распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система.

Какой ум может предвидеть и обнять эти явления? Какая рука может управлять их ходом? Кто дерзнет в высокомерии своем насильствами учреждать и самый порядок? Кто противостанет один общему мнению? Мудрый и добродетельный чело-

век в таких обстоятельствах не прибегнет ни к ухищрению, ни к силе. Следуя общему движению, благая душа его будет только направлять оное уроками умеренности и справедливости. Насильственные средства и незаконны и губительны, ибо высшая политика и высшая нравственность — одно и то же. К тому же существа, подверженные страстям, вправе ли гнать за оные? Страсти суть необходимая принадлежность человеческого рода и орудия промысла, не постижимого для ограниченного ума нашего. Не ими ли влекутся народы к цели всего человечества? В нравственном, равно как и в физическом мире, согласие целого основано на борении частей.

<...>

«Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей как с *обыкновенным* явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось...».

Конечно, несовершенство есть неразлучный товарищ всего земного, но история должна ли только мирить нас с несовершенством, должна ли погружать нас в нравственный сон квиетизма?² В том ли состоит гражданская добродетель, которую народное бытописание воспламенять обязано? Не мир, но *брань вечная* должна существовать между злом и благом; добродетельные граждане должны быть в вечном союзе противу заблуждений и пороков. Не примирение наше с несовершенством, не удовлетворение суетного любопытства, не пища чувствительности, не забава праздности составляют предмет истории: она возжигает соревнование веков, пробуждает душевные силы наши и устремляет к тому совершенству, которое суждено на земле. Священными устами истории праотцы наши взывают к нам: *не посрамите земли русския!*

Несовершенство видимого порядка вещей есть, без сомнения, *обыкновенное явление во всех веках*, но есть различия и между несовершенствами. Кто сравнит несовершенства века Фабрициев³ или Антонинов⁴ с несовершенствами века Нерона⁵ или гнусного Элиогобала⁶, когда честь, жизнь и самые нравы граждан зависели от произвола развращенного отрока, когда владыки мира, римляне, уподоблялись бессмысленным тварям?

Преступления Тиверия⁷, Калигулы⁸, Каракаллы⁹, опустошавшего один город после другого, принадлежат ли к обыкновенным явлениям веков? Наконец, несовершенства воинственно-го, великодушного народа времен Святослава¹⁰ и Владимира¹¹

сходствуют ли с несовершенствами времен порабощенной России, когда целый народ мог привыкнуть к губительной мысли *необходимости*? Еще унизительнее для нравственности народной эпоха *возрождения* нашего, рабская хитрость Иоанна Калиты;¹² далее, холодная жестокость Иоанна III¹³, лицемерие Василия¹⁴ и ужасы Иоанна IV¹⁵.

История может ли также утешать нас в государственных бедствиях, свидетельствуя, что бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось. Кто поручится за будущее? Кто знает, не постигнут ли внуков наших бедствия еще ужаснее тех, кои претерпели наши деды? Государственные бедствия могут иметь последствием и разрушение самого государства. В <17>97 году венециане, читая в летописях своих, как некогда они противились Камбрейскому союзу*, могли ли тем утешаться, теряя** свою независимость и славу. Не так думали древние об истории: «Кратка жизнь, — говорит Саллустий¹⁶, — и так продлим память о себе сколь возможно более. — В познании событий всего полезнее то, что представлены нам примеры на светлом памятнике». Мы подражаем тому, что достойно подражания, презираем то, что постыдно начато и постыдно совершено (см. вступление Тита Ливия¹⁷).

Не все согласятся, чтоб междоусобия удельных князей были маловажны для разума; ими подтверждается известный стих Горация:¹⁸ *Quidquid delirant Reges plectuntur Achivi ****.

Сравнивая историю российскую с древнею, историк наш говорит:

«Толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова¹⁹ или Олегова²⁰ дому — немного разности: если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера²¹, имели Софокловы²² трагедии и статуи Фидиасовы²³».

* В 1508 году король французский Людовиг XII, император Максимилиан, герцог Савойский, Феррарский, маркиз Мантуйский, флорентийцы и папа Иулий II объявили войну Венеции. В Камбрее заключен был союз между королем францужским, королем Арагонским, императором Максимилианом и папою, к которым впоследствии пристали все вышеупомянутые союзники.

** В 1797 г. Бонапарт овладел Венециею, уничтожил республику и отдал ее земли Австрии.

*** Сколько ни беснуются цари, расплачиваются аргиевляне (лат.).

Та же почти мысль выражена в песне Игорева: «В княжих кармолах веци человеком скратишась», с. 17.

Я нахожу некоторую разность. Там граждане сражались за власть, в которой они участвовали; здесь слуги дрались по прихотям господ своих. Мы не можем забыть, что *полутигры Греции* наслаждались всеми благами земли, свободою и славою просвещения.

Наш писатель говорит, что в истории красота повествования и сила есть главное! Сомневаюсь. «Знание прав ... ученость ... остроумие ... глубокомыслие ... в историке не заменяют таланта изображать действия». Бесспорно, но это не доказывает, чтоб искусство изображения было главное в истории. Можно весьма справедливо сказать, что талант повествователя не может заменить познаний учености, прилежания и глубокомыслия. Что важнее! Мне же кажется, что главное в истории есть *дельность* оной. Смотреть на историю единственно как на литературное произведение есть унижать оную. Мудрому историку мы простим недостаток искусства, красноречивого осудим, если он не знает основательно того, о чем повествует.

Следующее изречение неоспоримо: «Историку непозволительно мыслить и говорить за своих героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах ... остается ему ... порядок, ясность, сила, живопись». Охудая холодность Юма²⁴, наш писатель весьма справедливо замечает, что «любовь к отечеству дает кисти» историка «жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души». Согласен, но часто ли попадались Юму Алфреды²⁵, а можно ли любить притеснителей и заклепы. Тацита одушевляло негодование²⁶.

Впоследствии приступим к самой истории. Она тем любопытнее для нас, что писана, по уверению сочинителя*, «в народном духе и единственно для соотечественников, так что не может понравиться иноземцам, от сего характера русского, столь отличного от характера других народов!»

<...>

* Смотри письмо историографа к французским переводчикам его Истории от 5 июня 1818 г., напечатанное ими на 4-й странице их объяснения.